

НАТО и Россия в начале третьего тысячелетия

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(Институт Европы РАН)

Состоявшееся в 1990 г. официальное завершение конфронтации двух общественно-политических систем и, соответственно, обоих обслуживавших их военных блоков, самых мощных в истории человечества, должно было по логике вещей привести к роспуску не только Варшавского договора, но и НАТО: самоустранился “очаг опасности”, послуживший в свое время поводом для создания Североатлантического альянса.

Однако этого не случилось.

Противоречившее здравому смыслу сохранение НАТО объяснялось, главным образом, нежеланием США лишаться надежного средства держать под своим контролем Европу, вес которой в мировых делах отныне мог только возрастать, поскольку континент получил шанс объединиться. С другой стороны, у каждого члена альянса были свои эгоистические мотивы, по которым он не противился американской инициативе. Действовала также инерция выживания военно-бюрократической системы, в которую превратилась НАТО за полвека своего безбедного существования в условиях ядерного пата. В итоге была упущена возможность осуществить простейший вариант строительства единой континентальной системы предотвращения внутренних конфликтов и нейтрализации угроз извне. Европейская безопасность не укрепилась. Она резко ослабла.

Дробление европейского пространства безопасности

В период конфронтации Европа оставалась де-факто континентом мира. После разгрома гитлеровской Германии и вплоть до 1999 г. здесь не было вооруженных конфликтов между государствами. Войны на периферии мирового развития, последовавшие по времени за созданием НАТО (Корей-

ская, Вьетнамская, Алжирская, Мальдивская и пр.), велись отдельными членами альянса без его участия как организации и без коллективного одобрения его руководящих органов.

Европейские союзники США втихомолку надеялись, что так останется и впредь.

Однако конец конфронтации в корне изменил ситуацию.

В качестве благодарности за поддержку в “холодной войне” США потребовали от своих союзников по НАТО обязательства по первому знаку из Вашингтона вести военные операции по всему глобусу.

В разгар войны НАТО на Балканах (1999 г.), американцы получили желаемое. Нападение на Югославию стало первой настоящей войной в истории альянса, причем она сразу же вовлекла его в конфликт с действующим международным правом. Главную роль в усмирении сербов играли американские вооруженные силы, и этим лишним раз было продемонстрировано, что остальные члены альянса выступают безусловно как младшие партнеры США по качеству и количеству используемых вооружений.

Еще раньше формально по инициативе ФРГ, но в действительности по настоянию Вашингтона начался процесс психологической и организационной подготовки расширения НАТО.

Для Вашингтона целью этой операции было закрепление военно-политической зависимости подавляющего большинства стран Европы от США.

Для ФРГ важна была нейтрализация попыток “новых европейцев” оспорить ведущую роль на континенте объединенной Германии, выступающей в качестве “партнера по лидерству” США (формулировка Джорджа Буша-старшего).

Для остальных стран НАТО важно было сохранить американскую “узду” для обретших новую силу немцев.

Вот только об интересах России не думал никто. Даже ее собственное правительство. Поначалу и президент Борис Ельцин заявил, что не возражает против расширения альянса на Восток.

В 1990 г. создание общеевропейского пространства безопасности не представило бы ни малейшего затруднения. Надо было лишь свести под общей крышей половинки континента, находившиеся в период конфронтации “под присмотром” соответствующего блока.

На исходе горбачевской “перестройки” американцы заговорили о строительстве единого пространства безопасности для всего Северного полушария (“от Ванкувера до Владивостока”, как обещал тогдашний госсекретарь США Джеймс Бейкер в своем выступлении в Берлине в декабре 1989 г.). Ликвидация Варшавского договора не облегчила, а скорее осложнила дело, так как исчез один из двух партнеров наметившегося было объединения и приходилось вести переговоры с множеством новых государств, которые к тому же немедленно перессорились и стали предъявлять претензии друг к другу. Самороспуск СССР окончательно лишил еще не начавшийся толком объединительный процесс главного стимула – западные руководители уверовали, что разваливавшуюся на глазах Россию можно без всяких затрат со своей стороны списать в качестве полноценного участника европейской и мировой политики.

Однако теоретически возможность реализовать популярный в те годы лозунг “*Европа – континент мира*” сохранялась даже в условиях дезинтеграции ее восточной части при сохранении и углублении западной интеграции. Для этого от США и Запада в целом требовалось очень немного – воздержаться от действий, которые могли вызвать на Востоке чувство неуверенности или тревоги.

Предложенная американцами программа “*Партнерство во имя мира*”, казалось, отвечала такой цели. Она со-

здавала видимость некоторого объединения континента (хотя и не уравнивала в правах членов и не членов НАТО в сфере безопасности) и оставляла на будущее поиск приемлемой для всех общеевропейской формы долговременного предотвращения возникновения угроз. К сожалению, эта программа оказалась лишь прикрытием – испытывалась российская реакция на перспективу расширения оперативной сферы НАТО. Реакция оказалась такой, на какую рассчитывал Запад. Она вполне соответствовала ельцинско-козыревской линии на отказ от самостоятельности под девизом: “У России нет врагов, у России есть только друзья”.

Реальность лишней раз подтвердила истинность старого правила: “Избави Бог от друзей, а с врагами я сам справлюсь”. К тому же оказалось, что чрезмерное европейское благодушие – это совсем не то, что нужно Америке, которая отныне вела свою игру.

Перспектива “безмятежности”, “избыточной стабильности” в Европе, “излишней” самоуспокоенности европейских государств не устраивали США, поскольку могла поставить под вопрос необходимость американского лидерства в глобальном масштабе.

Если все и так в порядке, зачем тогда нужен заокеанский управляющий? Требовалось срочно найти нового врага – пусть даже виртуального, но достаточно впечатляющего.

По своему потенциалу Югославия лишь частично подходила на эту роль, хотя западным СМИ заблаговременно удалось придать Сербии черты образа демонической силы, опасной для континента в целом. Югославия давно уже

нервировала многих в Западной Европе своими притязаниями на лидерство в стане неприсоединившихся государств*. К тому же своеобразный характер югославской модели социализма, к которой Запад был вынужден в пику СССР относиться терпимо, ставил в какой-то мере под вопрос безальтернативность западного капитализма. С развалом восточного блока отпала также полезная в прошлом для Запада функция Югославии, состоявшая во внесении раскола в лагерь “реального социализма” и демонстрации успешного существования руководимой компартией страны вне сферы советского влияния.

Влиятельные круги Германии и Австрии сочли, что пробил час для сведения исторических счетов со строптивой славянской державой на юго-востоке континента. Там не забыли, что именно конфликт между Сербией и Австро-Венгрией привел к Первой мировой войне с ее катастрофическими результатами для обеих немецкоязычных империй (тот факт, что Германия использовала этот конфликт как повод для объявления войны России и Франции, давно вытеснен из немецкого сознания). Еще более свежо воспоминание о том, что в 1941 г. необходимость оккупировать “ненадежную” Югославию задержала на месяц начало гитлеровского вторжения в СССР, что ослабило шансы на успех нацистского “блицкрига”.

Сначала негласная, а затем и открытая поддержка извне сепаратистских сил в составных частях югославской федерации привела в этой стране к гражданской войне, которая, как и лю-

* По этой же причине СФРЮ раздражала и Советский Союз, которому она создала немало дополнительных трудностей в плане оказания влияния на страны “третьего мира”.

бая другая гражданская война, велась всеми ее участниками с потрясающей жестокостью.

Запад – сначала под давлением ФРГ Европейское сообщество, а затем и США – односторонне и с применением всех средств выступили против сербов, добившись в конечном счете капитуляции Белграда. Одновременно методом проб и ошибок накапливался опыт успешного разрушения федеративного государства, применимый не только в отношении Югославии.

Совершенно очевидно, что, проводя антиюгославскую операцию, Запад с самого начала целил в Россию, самую крупную славянскую державу континента. Ее федеративное устройство в условиях резкого падения эффективности центральной власти после 1991 г. делало Россию легко уязвимой для воздействия извне, в то время как сохранявшиеся у нее от СССР некоторые наружные атрибуты сверхдержавы создавали возможность использовать испытанную антисоветскую риторику для разжигания русофобии. Россию было нетрудно представить в качестве пугала, а ее потрясающая слабость вселяла во всех уверенность, что любое ущемление ее интересов останется полностью безнаказанным. Курс либерального руководства России на стопроцентное подчинение США только усиливал склонность Запада не считаться с “поверженным врагом”.

Разваливающейся России как правопреемнице СССР в международно-правовом плане было легко предъявлять любые претензии, адресованные Советскому Союзу, независимо от степени их обоснованности. К тому же ее выталкивание в положение аутсайдера облегчалось стремлением новой российской политической элиты сохранить за собой пальму первенства в об-

личении всех мыслимых и немыслимых грехов советского периода. Казалось, и Запад, и страны Восточной Европы, и новое руководство в Москве состязаются между собой в забивании голов в одни, российские ворота.

Сохранение бессилия России и, по возможности, дальнейшее ослабление ее позиций автоматически увеличивали вес бывших государств “реального социализма”, многие из которых облюбовали для себя положение региональных или, по крайней мере, субрегиональных “сверхдержав”. Разрушительные для страны действия первого властного гарнитура новой России, обвал российской экономики, расстрел парламента (октябрь 1993 г.), разгул криминала – все это свело международный авторитет страны к нулю. В подобных условиях НАТО могла не опасаться каких-либо контрдействий со стороны России. Альянс спокойно двинулся на Восток, окончательно раздробив общеевропейское пространство безопасности.

В итоге в Европе возникли, по меньшей мере, три различные зоны безопасности:

1. Наиболее защищенная в военном отношении благодаря поддержке американского гегемона зона: в нее входят члены НАТО плюс потенциальные кандидаты на вступление в нее;

2. Лишенная возможности рассчитывать на какую-либо военную поддержку извне зона: ее образуют Россия плюс Белоруссия с президентом Лукашенко (им прием в НАТО “светит” только в случае полного отказа от защиты своих интересов);

3. Серая зона – государства СНГ, которые страстно хотят быть принятыми в НАТО (Грузия, Молдавия, Азербайджан), но по разным причинам лишены пока такой возможности.

Расположенные в этой последней зоне государства относятся, как правило, к “несостоявшимся” и управляются извне, нестабильны, легко поддаются шантажу, готовы на все, чтобы пробиться в натовский клуб. Они превратились (или находятся в процессе превращения) в вероятные источники угрозы для России, причем степень этой угрозы нарастает в зависимости от перспективы размещения на их территории войск НАТО. На практике дело идет, прежде всего, о дислокации вооруженных сил США.

Антироссийский подтекст расширения НАТО не особенно скрывался ни вступающими в альянс, ни принимающими в него странами.

Конечно, в официальных речах и коммюнике всячески славословились миролюбие блока и провозглашалось его намерение крепить дружбу со всеми, не исключая и России.

Однако даже в публичных выступлениях западных политиков постоянно присутствовали ссылки на необходимость защиты “ставших, наконец, независимыми” стран-кандидатов от

внешней опасности, которая, по логике вещей, может исходить только от России.

Запад предпочел не заметить демонстративного чествования в Эстонии и Латвии эсэсовцев, которые верой и правдой служили Гитлеру, “освобождавшему” Европу от славян и евреев (например, на памятнике legionерам СС в Пярну красовалась надпись такого содержания: “Всем эстонским воинам, павшим во второй освободительной войне за родину и свободу Европы 1940–1945 гг.”).

Президент США Дж.Буш-мл. не смог удержаться при посещении только что получившей добро на принятие в НАТО Прибалтики от громкого заявления о том, что отныне любой, кто покусится на новых членов альянса, будет иметь дело с США. Можно было бы не обращать внимания на подобные цветы красноречия, тем более что никто не собирается покушаться ни на новых, ни на старых членов НАТО. Но сам дух подобных упреждений в изящной словесности подталкивает соседей России на недружественные, зачастую провокационные действия.

Во избежание новой конфронтации НАТО и Россия нуждались и нуждаются в урегулированных и по возможности стабильных отношениях друг с другом.

Цена обещаний

Сдавая геостратегические позиции в Центральной Европе, перестроенный СССР вместо материальных гарантий уважения своих интересов на будущее удовлетворился вербальными заверениями Запада в намерении строить “общий европейский дом”.

Москва не позаботилась о том, чтобы превратить это обещание в четкое договорное обязательство, определяющее параметры, этапы и, главное, сроки подлежащего созданию паневропейского сообщества. Дело не пошло дальше намека в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии (договор “два плюс четыре”)

от 12 сентября 1990 г. и нескольких строчек в советско-германском договоре о сотрудничестве от 9 ноября того же года.

Правда, светлый идеал объединенного европейского континента был исчерпывающим образом включен в парижскую “Хартию для новой Европы”, принятую 21 ноября 1990 г. на встрече СБСЕ на высшем уровне во французской столице. Уже вторая фраза документа гласила: “Эра конфронтации и раскола Европы закончилась”.

Однако эта хартия носила декларативный, то есть необязательный в международно-правовом смысле характер.

Поэтому содержащиеся в ней ссылки на решимость предпринять шаги, которые “помогут преодолеть существовавшее на протяжении десятилетий недоверие, повысить стабильность и построить новую Европу”¹, остались ничем не подкрепленным обещанием, выполнение которого отложено до греческих календ.

Можно ли найти большее несоответствие между посулами и реальностью, чем между происходящим в рамках расширения НАТО приближением военных структур блока к российским границам и клятвами “преодолеть недоверие” и “повысить стабильность”? В конечном счете даже ельцинский режим вынужден был принять этот факт к сведению.

Во избежание слишком резкого обострения обстановки в Европе после принятия Западом принципиального решения о начале расширения альянса США и их союзники попытались найти формулу, которая, не меняя ничего по существу, могла бы успокоить взбудораженное общественное мнение России.

Брюссель и Москва договорились о показательной акции согласования своей политики на будущее. “Основополагающий Акт Россия-НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности”, подписанный в Париже 27 мая 1997 г., стал не менее ярким, но одновременно и не более обязывающим соглашением, чем родившаяся там же семью годами ранее Хартия СБСЕ. Текст Акта читался как свидетельство о сотворении идеального мира, во всяком случае идеального континента.

Он подтверждал “главную ответственность Совета Безопасности ООН за поддержание мира и безопасности”, обязывал обе стороны соблюдать “отказ от приме-

нения силы или угрозы силой друг против друга или против любого другого государства”, предусматривал “уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности всех государств и их права выбора путей обеспечения собственной безопасности”, провозглашал, что “ни одна из сторон не рассматривает другую сторону как угрозу и не стремится нанести ущерб безопасности другой стороны”.

Совместный Постоянный Совет Россия-НАТО, созданный для “совместных решений и совместных действий в отношении вопросов безопасности, вызывающих всеобщую озабоченность”, должен был стать “основной структурой консультаций между Россией и НАТО в периоды кризисов или каких-либо других ситуаций, оказывающих влияние на мир и стабильность”.

Все это великолепие ставилось под большой вопрос пунктом, вставленным в текст по категорическому настоянию американцев, который гласил: “Положения настоящего Акта не дают России или НАТО никоим образом права вето по отношению к действиям другой стороны, а также не ущемляют и не ограничивают права России или НАТО принимать решения и действовать самостоятельно”².

Более того, в свете дальнейшего развития событий оказалось, что этот абзац представлял собой шаг назад, поскольку не обусловил “самостоятельные действия” альянса обязательной санкцией Совета Безопасности ООН.

Последовавшая менее чем через два года война НАТО против Югославии не только перечеркнула “Основополагающий Акт”, но и явилась ударом по Уставу ООН, а также по оборонительным оговоркам самого Североатлантического договора.

Оптимисты утверждают, что “Основополагающий Акт” дал, по крайней

мере, тот плюс, что на территории новых членов НАТО не размещается ядерное оружие, поскольку в нем зафиксировано отсутствие у альянса “намерений, планов или причин” для этого³. Но еще вопрос, является ли такая сдержанность НАТО результатом учета российских интересов или решающую роль сыграли все же интересы самого блока. Во всяком случае, менее стабильная обстановка в странах Восточной Европы, импульсивность поведения их властей, постоянная склонность новых членов НАТО провоцировать соседей, а также их уязвимость для ответных действий России создали бы в случае размещения в них оружия массового поражения гораздо большую опасность для самого блока, чем для великой восточноевропейской ядерной державы.

Еще одним “плюсом” считалось обязательство НАТО не направлять на территорию своих новых членов крупные силы альянса на постоянной основе. Однако оно было обставлено таким количеством оговорок, что вряд ли стоит принимать его всерьез. Всегда наготове лазейки, позволяющие в случае нужды создание ударного кулака поближе к российским границам. Не помешали же НАТО никакие международные обязательства вести военные действия в Боснии и в Сербии-Черногории, причем тогдашние кандидаты в члены альянса с радостью продемонстрировали свою готовность бежать впереди блокового паровоза.

Война НАТО на Балканах и ее последствия надолго отравили атмосферу на континенте, включая взаимоотношения между Россией и НАТО. Совместный Постоянный Совет Россия–НАТО почил в бозе, так ничего и не свершив.

Поворот к лучшему наступил лишь после трагедии 11 сентября 2001 г. в

Нью-Йорке и Вашингтоне, когда западный гегемон осознал свою уязвимость перед лицом глобальной террористической угрозы. Только тогда в линии США на международной арене намечались существенные подвижки. Правда, их пока еще нельзя рассматривать как коренной пересмотр американских ориентиров, но несомненно появление новых акцентов, способных со временем привести, возможно, к кардинальным конструктивным сдвигам.

Наиболее важным новым элементом стала заявленная Вашингтоном поддержка идеи глобальной антитеррористической коалиции, в пользу которой уже давно работала российская внешняя политика, все последние годы решающая практические задачи отражения атак международного терроризма на собственной территории. Общность задачи борьбы с терроризмом, которая приобрела приоритетный характер для обеих стран, стала основой для последовавшего сближения Вашингтона и Москвы.

В этом контексте состоялась ревitalизация концепции широкого сотрудничества России и НАТО. В мае 2002 г. на встрече в верхах под Римом альянс и Москва достигли договоренности о совместной работе “в формате двадцатки”.

Этот принцип, предусматривавший идентичный статус 19 тогдашних членов НАТО и России при поисках совместных решений, резко изменил существовавший ранее порядок, когда НАТО сначала “промеж себя” вырабатывала единую позицию, а затем доводила ее до сведения российской стороны, которая могла соглашаться или не соглашаться с ней, но не была в состоянии повлиять на нее.

В рамках модифицированного формата был создан новый координационный орган – Совет Россия–НАТО (СРН), где представители всех 20 государств-участни-

ков выступали на равных правах в своем "национальном качестве".

СРН не предотвратил дальнейшее расширение НАТО, но согласованный в Риме принцип работы Совета не изменился.

Изменившаяся к лучшему атмосфера и более эффективные методы работы Совета позволили добиться заметных результатов.

СРН проводится не только на уровне глав государств или правительств, министров иностранных дел и обороны, но и на уровне послов.

В его системе действуют свыше 20 рабочих органов: комитеты, специальные рабочие группы, экспертные группы.

Главное внимание уделяется вопросам налаживания взаимодействия в борьбе с террористическими угрозами.

В этой сфере согласованы документы с оценками террористических угроз мировому контингенту на Балканах и угрозы со стороны Аль-Каиды; с оценками угроз гражданским воздушным судам, а также со стороны гражданских воздушных судов жизненно важным объектам инфраструктуры; об угрозе государствам-членам СРН со стороны исламистского терроризма и радикализма в Центральной Азии.

Готовится аналитический документ "Об угрозах информационным системам России и стран НАТО".

В конце 2004 г. был одобрен план действий СРН по практическому противодействию терроризму, который предусматривает углубление сотрудничества по трем направлениям:

во-первых, изучение возможности обмена разведывательными данными о вероятных целях террористов; исключение доступа террористов к оружию массового поражения; организация защиты от применения террористическими группами химических, биологических и ядерных веществ и материалов; разработка прототипов аппаратуры для

обнаружения взрывчатых веществ; защита от кибертерроризма и т.д.;

во-вторых, готовность к применению активных мер против террористических групп, особенно действующих в международном масштабе; повышение уровня оперативной совместности вооруженных сил России и стран НАТО для проведения контртеррористических операций;

в-третьих, устранение последствий террористических акций, что включает в себя формирование потенциала чрезвычайного гражданского планирования и реагирования; сотрудничество в ликвидации экологических, психосоциальных и других последствий террористических действий.

Важной задачей остается налаживание партнерства в формате СРН по нейтрализации наркоугрозы, исходящей с территории Афганистана.

К настоящему времени готовятся обмен информацией и обучение кадров для антинаркотических подразделений Афганистана и транзитных стран.

Исследуются возможности обеспечения совместности систем нестратегической противоракетной обороны в рамках специальной рабочей группы по ПРО театра военных действий.

Уже принята экспериментальная концепция сотрудничества России и НАТО в этой области и проведены командно-штабные учения.

Готовятся совместные практические проекты в сфере поиска и спасения аварийных подводных лодок.

Такое сотрудничество помогло, в частности, спасти российский батискаф, затонувший в 2005 г. близ Камчатки. В феврале 2006 г. российские ВМС присоединились к антитеррористической операции НАТО "Активная попытка", проводящейся в Средиземном море.

Работа СРН охватила широкую тематику – от политического диалога по

вопросам безопасности до практической реализации военного сотрудничества.

В рамках Совета активно обсуждаются и невоенные аспекты безопасности. Комплексный подход к решению проблем безопасности в евро-атлантическом регионе, а также вовлечение в сферу российско-натовских контактов широкого круга лиц, организаций и ведомств ведут к формированию устойчивого механизма взаимодействия, отвечающего принципам Римской декларации 2002 г. Заложен фундамент для перехода к этапу зрелого партнерства, который должен характеризоваться углубленным анализом проблем, затрагиваемых в ходе политического диалога, повышением уровня практического сотрудничества, ростом эффективности совместных проектов в области безопасности⁴.

Наличие реальной отдачи составляет разительный контраст по сравнению с периодом после заключения «Основного соглашения Акта», когда результатов не было вообще. Правда, и сейчас не видно еще каких-либо эпохальных, революционных сдвигов в плане создания общеевропейского пространства безопасности, однако продвижение в этом направлении становится возможным и даже вероятным, если сохранится главное достижение последних лет – осознание Западом общности своих интересов с Россией в борьбе с международным терроризмом и совместимость представлений обеих сторон о путях и методах такой борьбы. Все более успешное функционирование Организации договора о коллективной безопасности на пространстве СНГ вновь дает НАТО шанс принять участие в строительстве Большой Европы, стать ее важной составной частью, одной из несущих опор.

Но существует опасность, что и на этот раз шанс будет упущен. Нежелание блока налаживать взаимодействие с ОДКБ, являющейся незаменимой военно-политической структурой в евроазиатском регионе с растущим авторитетом, свидетельствует, к сожалению, о том, что им не извлечены уроки из былых просчетов и провалов. Об этом говорит и ведущаяся исподволь подготовка к дальнейшему расширению НАТО, которое может на этот раз коснуться таких соседей России, как Грузия, Молдавия, Украина. Россия вновь заранее предупреждает, что дальнейшее движение альянса к ее границам будет воспринято как недружественный акт. Демонстративное пренебрежение интересами российской безопасности вряд ли окажется совместимым с переходом к этапу углубленного партнерства с НАТО.

Кстати, прогресс в работе СРН подкашивает, что оправдавшие себя принципы работы двадцатки стоило бы распространить и на Совет Евросоюз–Россия, поскольку до сих пор в ходе ведущихся ЕС и Россией переговоров достижение разумных компромиссов сплошь и рядом затрудняется недостатком гибкости у бюрократических структур ЕС.

Не только марш НАТО на Восток, но и расширение Евросоюза, причем последнее в возрастающей степени, воздвигает препятствия на пути объявленного общей целью создания единого экономического, политического, оборонного, правового пространства Европы. Это особенно наглядно демонстрируют трудности, возникшие в районе Калининграда, российского эксклава на Балтике, в самой чувствительной точке соприкосновения интересов западного сообщества и России.

Дополнительные препоны для российских граждан при проезде из одной части России в другую не становятся более приемлемыми вследствие необязательных и расплывчатых обещаний ЕС попытаться ввести когда-либо в будущем безвизовое сообщение между Евросоюзом и Россией.

Во всяком случае, переговоры о сохранении безвизового транзита через Литву закончились практически ничем. Кто же может признать реальным достижением то, что транзитная виза временно не называется "визой", особенно с учетом того обстоятельства, что она станет официальной визой, как только Литва войдет в Шенгенскую зону?

То же относится и к явно завышенным расценкам на оплату грузового транзита в Калининград и из него в условиях, когда эти расценки продолжают непропорционально расти. Такое положение вообще

ставит под сомнение готовность ЕС учитывать жизненные интересы России.

А ведь транзит – это в сущности лишь вопрос формальностей. Главная же проблема состоит в том, чтобы совместными усилиями обеспечить выживание окраинного региона России, который стал изолированным островком в окружающем его со всех сторон море Евросоюза. Калининград может и должен быть мостом, соединяющим Россию и Европейский союз, а не оштетнившимся форпостом или "черной дырой" на процветающем пространстве интегрированной части континента. Только после удовлетворительного решения этой проблемы у России и ЕС появятся взаимное доверие и прочная основа для совместных действий, рассчитанных на долгую перспективу.

Пока же возникает парадоксальная ситуация: сейчас отношения России с НАТО по своему уровню на порядок превосходят ее отношения с Евросоюзом, с которым ей, по трезвому размышлению, делить нечего.

Примечания

- ¹ От Хельсинки до Будапешта. История СБСЕ/ОБСЕ в документах 1973–1994. Т. 2. М., 1996. С. 304, 307.
- ² Независимая газета. 1997. 28 мая.
- ³ Независимая газета. 1997. 28 мая.
- ⁴ *Алексеев А.* Совет Россия–НАТО: динамика развития // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2006. Январь. № 1.